

— «Литературные встречи в русской провинции», которые в народе называются Астафьевскими чтениями, стали уже традиционными и проводятся в Красноярском крае с 1996 года... Виктор Петрович, а как у вас возникла идея организовать эти встречи?

— Сейчас провинция брошена на произвол судьбы, на самотек. Никому нет дела до провинции и до провинциальных писателей. Они никому не нужны. Москва отделилась от нас, стала столицей как бы другого государства, совершенно другого, стала как бы государством в государстве. А у нас в Сибири девятнадцать регионов. Здесь такие крупные регионы, как Красноярский край, Алтайский край, Омск, Тюмень, Барнаул, Кемерово, Иркутск, Томск... Есть очень богатые у нас города, которые кормят страну, дают ей хлеб, уголь, газ, нефть... А в духовном, значит, смысле они бедные, скудные. И вот меня потянуло собрать наши литературные силы, встряхнуть и объединить немножко наших ребят, чтобы они могли пообщаться и пообщаться между собой. И у меня возникла идея провести «Литературные встречи в русской провинции» в Красноярском крае — такие литературные чтения...

Когда были самые первые чтения в 1996 году, было страшно смотреть на наших ребят. Потому что они обнимались и плакали — давно не видели друг друга... Многие не видели друг друга по десяти-пятнадцать лет и полностью утратили связь между собой. И даже не знали, кто жив, а кто нет. И радовались друг другу, и говорили: «О! Слава Богу! Ты еще живой!» Да. Вот какое дело. Я думаю, что и в Москве многие писатели не видятся годами и десятилетиями и при встрече тоже могли бы сказать друг другу: «О! Слава Богу! Ты еще живой...». Они там, в Москве, тоже редко видят друг друга, живут разобщенно, разрозненно. Но все же иногда сталкиваются на каких-то дорожках...

И поэтому вот мне хотелось собрать всех наших ребят и поговорить с ними о жизни, о литературе, о культуре, о проблемах нашего времени... и сбить с них маленько провинциальную штукатурку. Не хотелось, чтобы они совсем уж опустелись, замшел и одичали в своих медвежьих углах и говорили, что вот раньше хорошо было, а сейчас совсем стало плохо.

— А как вам удается находить деньги для проведения «Литературных встреч»?

— Первый раз я, значит, выпросил их у Ельцина, когда он у меня в гостях был. Можно сказать, я выпросил их у него под сурдинку... (Смеется.) Он плясал у меня тут, в Овсянке, песни пел... «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Я и сказал ему: дай денег на проведение «чтений»! Он и дал. То есть... своих денег, из своего кармана, он мне не дал. Но он велел своим людям включить нас с нашими «чтениями» в федеральную программу. И нам выделили денег... И не только на «чтения», но еще и на мой пятнадцатитомник... но главное — на «чтения». А второй раз... я попросил денег у одного очень известного, значит, коммерсанта — как говорят нынче, предпринимателя. И он не отказал нам. Но он, конечно, денежки считать умеет, а иначе у него их и не было бы. И посадил везде своих людей, и они, значит, сидели и смотрели, куда и на что деньги идут, считали и учитывали каждый рубль. Но они не учитывали разных побочных расходов и не признавали их... А их очень-очень много... И все наши отделы культуры, которые занимались подготовкой и проведением праздника, по моему, понесли убытки и остались внакладе.

— Вы сказали когда-то, что провинция — как угарная баня: там можно угореть и не заметить этого...

— Да-а... и не заметить... И вот как раз чтобы этого не произошло, в провинции все время надо себя спасать. Как только тебе начинают нравиться местный футбол, местный театр, местная музыка, местная поэзия... лови себя на мысли, что ты уже начинаешь погружаться во все это... тебя словно гипсом обкладывает со всех сторон... В провинции много красного патриотизма, который не дает правильно взглянуть на какие-то вещи, оценить их критически и предпринять какие-то усилия, чтобы поднять местную культуру на более высокий уровень. Тем не менее что-то у нас шевелится в этом смысле... В Барнауле вы-

рваться в патетику и велеречивость и чтобы как-то снизить чересчур высокий пафос?.. Вы за ненормативной лексикой часто прячете свои высокие чувства, свою романтичность, сентиментальность и застенчивость?..

— Да-а... Ну это не я один такой... скромный. Я же знаю таких писателей, как Распутин, Носов, значит... Абрамов был, и Тендряков, и Яшин... Они все очень скромные... До того скромные, что даже стесняются себя писателями называть, не то что классиками и патриархами. И, если можно, всегда они скажут о себе: я — литератор (а не: я — писатель). Ну дере-е-евня... на нас на всех деревня висит, на всех.

— Когда смотришь на ваш пятнадцатитомник, когда листаешь и читаешь его, поража-

ет писать рассказы... и «затеси», такие коротенькие-коротенькие вещи.

— У вас в собрании сочинений, кроме повестей, романов, рассказов, «затесей», очень много писем... целых два тома. И это только часть ваших эпистолярных трудов. В наше время почти никто никому не пишет писем...

— Сейчас письма, переписку всем заменяет телефон. Это стало просто каким-то бедствием. Сейчас издатели даже договор на книжку в 30 (авторских) листов и то норовят заключить по телефону. Звонят тебе и говорят: миленький, так-то и так-то... мы хотим издать твою книжку... Я не привык заключать договора по телефону. Я серьезно отношусь к литературе. И всегда серьезно относился. Это мой хлеб, моя работа... все равно, что пиление дров.

Эпистолярная литература, эпистолярный жанр — это за-

— Я стараюсь ограничить себя в этом. Я с утра работаю. И днем работаю. И вечером работаю... Я привык работать разом и помногу. Но у меня уже силенок мало... У меня мало сил осталось. Если я еще буду смотреть футбол до трех часов ночи, а потом спать до двенадцати или до часу дня... Да мне тут и не дадут спать... Меня тут утром обязательно разбудят и не дадут мне выспаться. И, значит, я дурак дураком буду, если буду целыми днями и ночами сидеть и телевизор смотреть... Сейчас у меня нет тут телевизора, я не взял его с собой сюда. Но я по нему и не тоскую... И радио у меня сейчас тут нет. Но я и по нему не тоскую...

— А вот как вы на это смотрите? У нас народ вроде бы любит поэтов, писателей и вроде бы очень жалеет их, когда с ними случается что-то плохое... Пушкина убили на дуэли — народ

о его недостатках и этим оказывают ему плохую услугу.

— Да. Заискивать перед народом писателю не надо... Бунин никогда не заискивал... и стал великим писателем.

— Вот и вы тоже... Не заискиваете, говорите о народе все, что думаете, не только хорошее, но и плохое. Из-за этого многие на вас обижаются...

— Очень, очень многие обижаются на меня! Говорят мне: вы не любите русский народ... А чего его любить-то? За что я должен его любить? Прозвоните мне документы, назовите по пунктам: за что я должен его любить? (Смеется.)

— Я вижу, у вас в избушке висят картины разных художников... Целая галерея... Что это за картины?

— Это мне разные художники их надарили. Как приезжают ко мне, так дарят... обезличенные картины не вешаю, а только такие, которые у меня связаны с чем-нибудь. Эта вот картина... тут на ней речка... — на этой речке происходит действие последней главы в моей «Царь-рыбе». Эта вот картина... тут моя избушка, которая осталась на Вологодчине... — я жил там. Эта вот картина... тут моя избушка, которая была у меня в деревне Быковка, на Урале... — я в свое время сам ее построил... Ее сожгли в 1999 году.

— Как сожгли?! А на Урале ваши почитатели вроде собирались сделать ваш музей... — вроде в этой самой избушке? Где же его теперь сделали... или сделают?..

Виктор АСТАФЬЕВ:

В ПРОВИНЦИИ НАДО ВСЕ ВРЕМЯ СЕБЯ СПАСАТЬ

«Царь-рыба», «Последний поклон», «Прокляты и убиты». Для автора этих книг в юности тяжелой работой была война. А в зрелости — мир

ходит «Вечерний Барнаул», там печатается литература. На родине Шукшина проходят Шукшинские чтения. В Иркутске проводятся Славянские чтения... Мне хочется расшевелить такие города, как Омск, Тюмень... Города богатые — и тот, и другой. Хочется, чтобы там культура как-то поднялась, чтобы она не захирела. А то вот в Омске библиотеку Березовского отдали каким-то коммерсантам... И никого там это вроде бы не волнует. А библиотека дореволюционная...

— То есть это не тот Березовский, олигарх, который скандально известен на всю страну и на весь мир?

— Нет, его однофамилец, сибирский писатель, который в 20—30-е годы написал известный роман «Бабьи тропы». Сейчас его внук, поэт, участник «Литературных встреч», хороший парень, хлопочет о том, чтобы отвоевать библиотеку своего деда, пишет бумаги в разные инстанции, хлопочет, хлопочет... бьется, бьется... Его уже за придурка все считают... Кстати, надо бы переиздать и Березовского, и Зазубрина...

Нам нужны энтузиасты, подвижники... Они есть, есть, но их надо расшевелить на дела такого рода... Чтобы они не только водку пили и не только разговоры разговаривали, а дело делали. Я уж не говорю на это...

— Вы вообще не любите всякую патетику... Это и по вашим произведениям видно.

— Я ее всегда истреблял... — Поэтому вы и в жизни, и в произведениях иногда скорее в ненормативную лексику ударитесь, чтобы только не уда-

лись тому, сколько же вы вложили туда труда, таланта, жизни... Сколько напечатали всего...

— Из 15 томов наберется томов 10 добра... А так... там говна много... ой, много...

— Ну это вы такой самокритичный в отличие от большинства своих коллег... А вот я перечитала ваш самый первый рассказ, 1951 года, «Сибиряк» называется. И подумала: а ведь в одном этом рассказе уже намечены и видны все ваши будущие литературные пути, линии, направления. Да?

— Ну а иначе, иначе как?

— В своем «Сибиряке» вы про войну пишете. И у вас там есть такая фраза: «война — это очень много работы, много непосильной работы»... Вон еще когда вы это сказали, в 1951 году! А потом вы развили эту мысль, эту тему в романе «Прокляты и убиты»... Вам надо было как бы заново пережить войну...

— У-у-у... Я в прошлом году даже инфаркт получил... А к нему еще привязался диабет. И со слухом и зрением у меня плохо стало... И я после этого вообще ничего писать не мог... Написал несколько «затесей», и все...

— А теперь, после большого перерыва, опять потихонечку начинаете писать?

— Ну да. Только прошлым летом я опять начал писать. Лето у нас плохое было, погода плохая стояла. Как, впрочем, и в Москве, я знаю. А плохая погода способствует литературе... И я сидел в деревне и писал. И написал шесть рассказов... вот... и мно-го-много «затесей». Я люблю

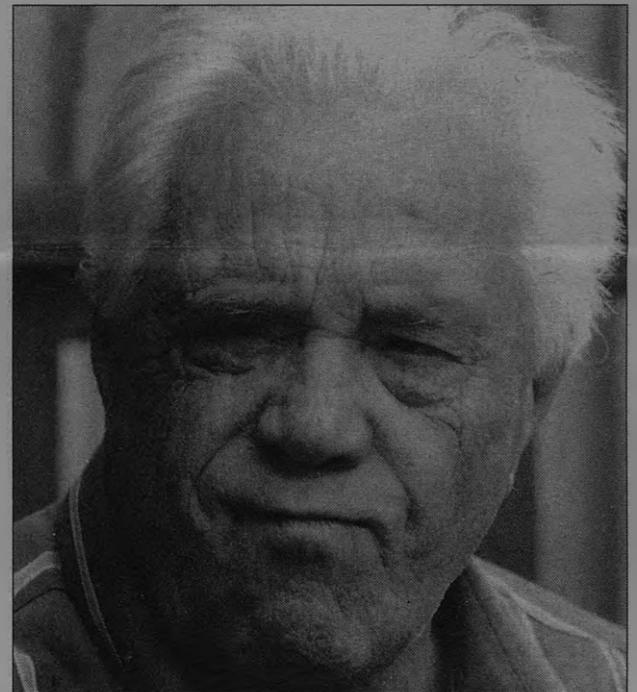
мечательно! Читаешь письма Пушкина... Будто беседуешь с ним. Я даже интонацию его слышу. Она у него отчетливая очень. Она у него такая бегучая, детская, скорее даже — юношеская. Говорит быстрый такой. Я даже голос его слышу внутренний.

А я и сейчас, по-старинному, все еще пытаюсь писать письма, отвечать на письма, которые приходят мне по почте... пишу отзвывы на книги... Правда, на плохие уже не пишу, только на хорошие.

— Вы, я знаю, пишете все свои письма, как и вообще все свои вещи, только от руки, ручкой?

— Некоторые писатели, я знаю, пишут письма на машинке, а теперь еще и на компьютере... и оставляют себе копии, для истории... А я на машинке писать не умел и не умею. И на компьютере тоже. Я умею только ручку в чернильницу макать... Я — лентяй. Отправлю письмо — и хрен с ним, где оно там есть... Мне говорят: «Ты че делаешь, а? (Мол, разбрасываешь себя!) У тебя же копий не остается!» Ну и пусть не остается... У меня в доме и без них бумаги всякой полно. Я на свою бабу ругаюсь, что бумагу в доме кругом полно, и я ничего среди них найти не могу... психую... Потом, смотришь, найдется само...

— А вот интересно. Вы тут, в деревне, когда работаете, то смотрите телевизор, слушаете радио, читаете газету?.. Или вы отключаетесь от всех средств массовой информации, чтобы они не отвлекали вас, и ничего не смотрите, не слушаете, не читаете?

жалеет Пушкина. Лермонтова убили — народ жалеет Лермонтова. Есенин повесился или его повесили — народ жалеет Есенина... А с другой стороны — народ как бы любит, когда с поэтами, писателями случается что-то плохое, и как бы ждет и желает этого, чтобы было о чем поговорить... Если бы Пушкина и Лермонтова не убили, если бы Есенин не повесился или он сам не повесился, то у народа и интереса к ним такого не было бы и народ не говорил бы о них...

— Ну да-а-а... Пушкин же и сказал об этом лучше всех: *Они любят уметь только мертвых...*

Э-э, как у нас залюбили мертвого Шукшина!.. А когда он был жив, как его проклинали на его родине свои же земляки... обзывали его всяко... Он устал объезжать и Барнаул, и Бийск... Везде к нему свои же земляки хреново относились... И в Сроствах ему уже нельзя, невозможно стало появиться... И я ведь живу в своей Овсянке, но мало общаюсь тут с нашими деревенскими... Очень, очень узкий у меня круг людей, с которыми я общаюсь и дружу.

— Вы сказали на одной из «Литературных встреч», что некоторые писатели заискивают перед народом, боятся говорить

— А хрен ее знает где... — Вам, при вашей известности, как я понимаю, нигде от людей покоя нет? Ни в городе, ни в деревне — ни в Красноярске, ни в Овсянке? К вам, как к Льву Толстому в Ясную Поляну, отовсюду, со всех концов страны идут, и едут, и летят ваши почитатели, друзья, телерепортеры, корреспонденты, интервьюеры... чтобы пообщаться с вами, взять у вас автограф или интервью... Покой вам только снится?

— Да. Некоторые ко мне даже через забор лезут, если ворота заперты... Бывает, что и бродяги какие-нибудь... Один раз сижу я у себя в избушке поздно вечером, пишу чего-то, работаю, пером скриплю. И вдруг слышу: во дворе какой-то страшный шум и грохот поднялся. Ну, думаю, все, конец мне, крышка!.. — это большевики идут меня убивать, через забор лезут, забор и деревья повалили... А оказалось — это поленица дров возле ворот обрушилась...

● Беседовала
Нина КРАСНОВА,
корреспондент журнала
«Наша улица»

Астафьев В. Виктор

13.05.01